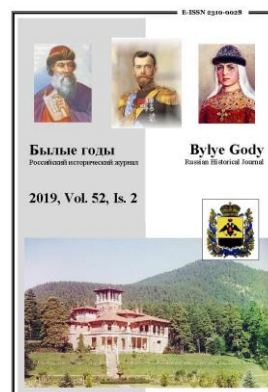

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 792-799. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.792
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Specifics of Popular Education in Russian Province at the turn of the 20th century (based on the Materials of Volgograd State Archive)

Alexander V. Ryazanov ^{a,*}, Andrey A. Solovyev ^b, Alexander V. Zakharov ^b, Lyubov S. Solovyeva ^c

^a Povolzhsky Institute of Management after P.A. Stolypin, Russian Federation

^b Volgograd State Technical University, Russian Federation

^c Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The paper examines curricula and upbringing methods of Russian public education at the turn of the 20th century in the Province of the Don Cossack Host and The Kamyshinsky region of The Saratov Governorate. We have analysed various archives of male and female educational institutions such as gymnasiums, four grades, secondary, and church-based schools. The authors focused on specifics of popular educational as well as gender structure of school staff. According to archival documents, male education differed by greater number of subjects. We have also found that equal number of men and women worked as teachers in female instructions in the period mentioned above. On the contrary, male teachers almost absolutely prevailed at male secondary schools. We argue that the difference can be explained not only by economic and religious reasons, but values, methods, and goals of education must be taken into account. The analysis of several students' records allows to state that popular education in the Russian Empire of the time was governed by the principles of rationality and statism, both of which associated with manhood. This is the rationale of male domination at secondary schools. On the other hand, the main purpose of female education was transference of socio-psychological and household skills. This educational goal can only be reached if female teachers comprise considerable part of school staff. It must be also mentioned that popular education in Russian province was not restricted to officially approved programs, but had its own features especially in the field of educational work.

Keywords: popular education, history of education, Kamyshinsky region, Province of the Don Cossack Host, Russian Empire, male secondary school, gymnasium.

1. Введение

Если рассматривать населенные пункты, располагавшиеся на территории современной Волгоградской области во второй половине XIX – начале XX вв., то можно обнаружить (помимо самого Царицына и успешно развивавшейся в тот период Дубовки) несколько мест, которые интересны с историко-культурной точки зрения. Среди таких мы обращаем внимание на Камышин, Урюпинск и Усть-Медведицкий округ. При этом одной из определяющих духовную атмосферу жизни общества можно считать область народного образования, фактически зарождающуюся в рассматриваемый период в вышеуказанных поселениях.

Мы полагаем, что изучение данной сферы невозможно без рассмотрения содержания обучения и воспитания, причем имеются в виду не столько официально установленные цели и задачи учебно-воспитательного процесса, сколько реальные события, происходившие на юге России.

* Corresponding author

E-mail addresses: alexandr.ryazanov@gmail.com (A.V. Ryazanov), lokotigr@mail.ru (A.A. Solovyev), Ulysses1@yandex.ru (A.V. Zakharov), solovieva_ls@volsu.ru (L.S. Solovyeva)

Актуальность рассматриваемой проблемы вызвана как научными, так и социальными соображениями. С одной стороны, исследование народного образования имеет значение для истории Волгоградского региона и России в целом, с другой – позволяет изучить развитие образовательной деятельности в российской провинции, начиная со второй половины девятнадцатого столетия, что в свою очередь предоставляет возможность иначе взглянуть на многое, происходящее в российском образовании сегодня.

2. Материалы и методы

Изучение специфики народного образования в России второй половины XIX – начала XX вв. ориентируется на анализ документов, сопровождавших работу учебных заведений области Войска Донского и Камышинского уезда Саратовской губернии, которые в основном соответствуют существовавшим на тот момент программам и идеологии народного образования в стране, но также включающим ряд фактов, имеющих значение для понимания образовательного процесса и жизни общества.

Основными источниками и базой исследования выступают выписки из шаровых книг, требовательных ведомостей, протоколов заседаний педагогических советов, годовых отчетов Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища области Войска Донского (1888, 1890, 1894, 1899), Урюпинской женской гимназии (1910, 1912), Усть-Медведицкой мужской гимназии (1874), Усть-Медведицкого реального училища имени атамана графа М.И. Платова (1888, 1895, 1897, 1899), Усть-Медведицкого духовного училища станицы Усть-Медведицкой (1897), Урюпинского реального училища (1886, 1887, 1889, 1891, 1895, 1896), Камышинского реального училища Камышинского уезда Саратовской губернии (1891).

В работе используется прежде всего идиографический подход, который позволяет подробно рассматривать отдельные события, связанные с народным образованием на юге России второй половины XIX – начала XX вв. При этом делаются попытки установить причинно-следственные связи, объединяющие эти события и тенденции развития образовательной сферы в стране. Изучаемые архивные данные предоставляют возможность соотнести официальные документы, сопровождающие учебно-воспитательный процесс, и реализацию этих программ на практике.

3. Обсуждение

Народное образование на территории современной Волгоградской области второй половины XIX века рассматривается следующими авторами: С.Ю. Гречко исследует особенности церковно-приходских школ ([Гречко, 2015](#)), В.В. Мельникова описывает народное образование в регионе в целом ([Мельникова, 2001](#)), а Д.В. Пополитов – епархиальное образование ([Пополитов, 2009](#)). Среди исследователей, обращавших внимание на образование в России указанного периода, назовем Э.Д. Днепров, представившего анализ законодательства, сопровождавшего учебно-воспитательный процесс ([Днепров, 2015](#)); Т.Э. Зульфугарзаде и А.Ю. Перетятко, изучавших особенности народного образования в среде казачества ([Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#)); Е.Ю. Захаровой и Л.А. Порш, сравнивавших педагогический состав учебных заведений разных периодов ([Захарова, Порш, 2017](#)); А.А. Стрельцова, выявлявшего специфику программ обучения в реальных училищах ([Стрельцов, 2016](#)). Следует также указать работы, посвященные отдельным аспектам проблемы содержания образовательного процесса, в том числе взаимосвязи народного образования с политикой и культурой ([Запесоцкий, 2003](#)), концептуальным основам воспитательной деятельности ([Наливайко, 2009](#)), антропологическим аспектам образования ([Тарасова, 2009](#)).

4. Результаты

Развитие разных форм учебных заведений в России второй половины XIX – начала XX вв. – гимназий, реальных, духовных, четырехклассных училищ – вероятнее всего, было обусловлено определенными внешними по отношению к народному образованию причинами. Это могли быть социально-экономические (развитие производства, изменение социальной структуры) и культурные (увеличение числа грамотных, развитие наук и искусств внутри страны) факторы. Образование как один из наиболее консервативных институтов проводит те или иные материальные и духовные изменения, происходящие вовне, через собственные приоритеты. Отсюда следует, что задачи, поставленные «сверху», могут иметь различные воплощения внутри учебно-воспитательного процесса.

Мы попытаемся отдельно рассмотреть процессы в народном образовании, связанные с обучением, и процессы, связанные с воспитанием, уделив внимание, прежде всего, содержанию этих явлений и тому, как внутренние и внешние причины определяли это содержание. В качестве инструмента косвенного выявления этих причин мы используем сравнение образования в мужских (реальных и духовных училищах, мужских гимназиях) и женских учебных заведениях (женских училищах, женских гимназиях). Особое значение при этом мы уделяем рассмотрению провинциального образования, поскольку зачастую оно имеет специфику в силу территориальной отдаленности от центра и вытекающих из этого трудностей обнаружения несоответствий между официально заявленными целями и их реализацией на практике, особенно это касается нововведений,

так как «своеобразие модернизаций в значительной степени зависело от того, какие механизмы развития задействовались на субстрановом, региональном уровне» (Poberegnikov, 2016: 871).

Несоответствия между официальной программой и ее реализацией могли касаться содержания обучения, которое значительно различалось в указанных выше типах учебных заведений. Мы воспользуемся для косвенного подтверждения этой позиции шаровыми книгами (документами, представляющими успеваемость обучающихся) разных училищ.

Согласно шаровой книге Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища за 1892/1893 учебный год, среди изучаемых предметов были Закон Божий; русский язык и церковнославянский; арифметика; геометрия; русская история; география; естествоведение; рукоделие; чистописание; рисование (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 24. 1892–1893 гг.).

Согласно шаровой книге Усть-Медведицкого реального училища за 1897/1898 учебный год, среди изучаемых предметов были:

- в 1–4 классах: Закон Божий; русский язык; немецкий язык; французский язык; география; рисование; история; чистописание; арифметика; алгебра; геометрия; черчение; естественная история;
- в последующих классах: математическая география, тригонометрия, физика (ГАВО. Ф. 106. Опись 1. Д. 15. 1897–1898 гг.).

Если сравнить группы предметов для девушек и юношей, то обнаружится, что принципиальной разницы между ними нет. В обоих случаях изучаются русский язык, история, естественные науки; предметы практического толка.

На наш взгляд, применительно к различиям самих обучающихся (женское училище – девочки; реальное училище – мальчики) перспективнее было бы обратить внимание на списки преподавателей.

В состав Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища в 1888-м году, согласно отчету, входили 11 педагогических работников, в том числе два законоучителя, 4 «учителя» и 5 учительниц» (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 2-4). Можно говорить о примерном равенстве педагогов мужского пола и женского. Если же не считать законоучителей, то фактически в рассматриваемый период учительниц было даже больше, чем учителей.

Согласно Требовательной ведомости жалованья того же заведения за 1890 год, работали 14 педагогов, в том числе директор и смотрительница; от 6 до 9 (в зависимости от месяца) учителей; от 3 до 5 учительниц (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 22. 1890 г. Л. 2-5). По отдельным месяцам можно говорить о количественной близости представителей двух категорий: «учитель» и «учительница». Согласно отчету о состоянии училища за 1894 год, было заведующего училищем – 1; законоучителя – 2; учителей – 5; учительниц – 4. Всего преподавателей и преподавательниц – 12 (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 39. 1894 г. Л. 2-5), но фактически имело место то же соотношение, что и в 1888-м. Примерно такая же картина наблюдается в 1899-м: если рассматривать по отдельным месяцам, то в каждый из них не менее 4 преподавательниц, не менее 4, но не более 7 преподавателей (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 61. 1899 г. Л. 1-19).

Похожее соотношение в Урюпинской женской гимназии в начале XX века. Согласно протоколам заседания педагогического совета за 1910 год (ГАВО. Фонд 109. Оп. 1. Д. 1. 1910 г.) и протоколам педсоветов о принятии учеников в школу и об отпуске учеников из школы за 1912 год (ГАВО. Фонд 109. Оп. 1. Д. 2. 1912 г.), число педагогов-женщин в указанном учебном заведении примерно совпадало с числом педагогов-мужчин, в некоторых случаях даже превышало его, правда незначительно.

Согласно статистике, профессия «учитель» во второй половине XIX – начале XX вв. в России позиционировалась как однозначно мужская. Е. Захарова и Л. Порш утверждают, что до 1917 г. 98 % от общего состава учителей составляли мужчины (Захарова, Порш, 2017: 42). Если допустить, что 98 % учителей были мужчинами, а в женских учебных заведениях (которых, допустим, было не менее 5 %) было не менее трети учителей-женщин, то следует предположить, что в мужских учебных заведениях педагогический состав почти полностью был мужским. Но в женских учебных заведениях наблюдалась иная ситуация. Вероятно, наличие среди преподавательского состава учебных заведений для девушек значительного количества женщин оправдано необходимостью специфически женского воспитания. Абсолютное же преобладание мужчин среди преподавательского состава мужских учебных заведений в таком случае следовало бы объяснять необходимостью специфически мужского воспитания.

Теоретически можно предположить, что необходимость мужского воспитания оправдана в том числе необходимостью воспитания религиозного. В России конца XIX – начала XX вв. большое внимание уделялось духовно-нравственной составляющей образования, создавалось немало учебных заведений христианского типа (Shevchenko et al., 2018: 226). Также в реальных училищах могли изучаться разные предметы, так или иначе связанные с необходимостью духовного воспитания. В список учебных пособий для первого класса училища имени атамана графа М.И. Платова входили краткая священная история Ветхого Завета, учебный часослов, Новый Завет. Однако было немало пособий и по «светским» дисциплинам (ГАВО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 33. 1901 г. Л. 2-11). Поэтому, исходя из

предлагаемой учебной литературы, нельзя говорить о каком-то засилье религиозного воспитания, что косвенно исключает его необходимость.

Кроме того, религиозное воспитание не исключалось в учебных заведениях для девушек. В подготовительном классе женского четырехклассного училища, согласно срочным ведомостям училища за 1900/1901 гг., изучались Закон Божий, начальное краткое молитвословие и другие дисциплины этого рода (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 62. 1900–1901 гг.).

В качестве косвенной причины различий кадрового состава в разных учебных заведениях можно назвать нехватку педагогических кадров для работы в учреждениях. Преподавателями во многих школах станиц и хуторов часто были священники местных приходов, а педагогика была формой общественной деятельности священнослужителей (Гречко, 2015: 44-49). Вероятно, поэтому епархиальным начальством было принято решение об открытии семинарий: в 1868 г. – духовной и в 1877 г. – светской, деятельность которых была направлена на решение кадровой проблемы – подготовки священников-преподавателей для работы в школах (Пополитов, 2009: 100). Однако это вряд ли могло повлиять на соотношение между мужскими и женскими училищами и гимназиями, поскольку в обоих типах учебных заведений работали законоучителя, которые одновременно являлись священниками.

Особенностью мужского образования называют еще и техническое обучение. Но, во-первых, данное отличие распространялась прежде всего на реальные училища, а не на гимназии, во-вторых, применительно к самим училищам трудно говорить об определяющем его влиянии на учебный процесс. Действительно, начиная приблизительно с 1860-го года, в стране стали появляться учебные заведения с углубленным изучением иностранных языков и математики. Собственно, это и были реальные гимназии, которые впоследствии переименовали в реальные училища (Стрельцов, 2016: 112).

При этом обучение «живым» иностранным языкам трудно напрямую сопоставить с техникой, поэтому предполагается нечто связующее, что в программах не обнаружено. Если же говорить о близких к технике предметах (черчение, арифметика, алгебра), то эти дисциплины начинали изучаться на более поздних этапах образования в училище, поэтому общее количество учителей по ним не могло составлять сколько-нибудь значительную часть от общего педагогического состава, а именно это было бы необходимо для того чтобы объяснять почти абсолютное преобладание мужчин среди преподавателей реальных училищ и мужских гимназий.

Если признать тот факт, что то или иное общество постепенно развивается социально-экономически, технологически и культурно, то можно рассуждать о том, что народное образование может как определять это развитие, так и определяться им. Существуют самые разнообразные причины выбора содержания учебного процесса (Соловьев, Соловьева, 2018: 30, 31), здесь приходится рассуждать о форме образовательной деятельности, хотя эта форма опять же может официально представлять собой содержание, прежде всего в названиях предметов, а также в формах проверки, которым в рассматриваемый нами период уделялось много внимания.

Поскольку мы исключили значимость ряда причин, которые могли бы определять как содержание обучения в мужских и женских заведениях, так и особенности педагогического состава этих заведений, то должны представить собственное объяснение специфики программы и кадрового состава исследуемых учреждений.

В данной работе мы условно абстрагируемся от экономических факторов «гендерной асимметрии» в образовании, поскольку последние затрагивают лишь отдельные стороны организации учебно-воспитательного процесса (Соловьев, 2017: 66), и обращаем внимание на то, что определяющим фактором рассмотренных неравномерностей могут становиться особенности воспитания, включающего в себя присмотр за воспитанниками во внеурочное время, учет психологических особенностей в учебном процессе, а также непосредственную воспитательную деятельность. Мы полагаем, что указанные виды деятельности трудно проследить в документах, но при этом именно они могут становиться факторами, определяющими специфику учебных заведений.

Многое в народном образовании детерминировано профессиональными перспективами обучающихся, но, вероятно, трудно найти в истории России время, когда те или иные формы образовательной деятельности имели целью создание профессионально компетентных индивидов, лишенных морально-нравственных ценностей, индивидов, которым чужды социальные идеалы и нормы (Гуркина, 2001). Образование зависит не только от официальной программы, пола или «психологических» особенностей учащихся. Имеет значение и специфика региона. На юге России значительную часть населения составляло казачество, поэтому и разного рода образовательные проекты были направлены в том числе на эту этническую общность (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 819-826) с ее системой ценностей. Однако из этого не следует какого-то особого «казачьего воспитания», ведь обычно оно совпадало с традициями, сложившимися в российской провинции конца XIX века.

Кроме косвенного доказательства, связанного с кадровым распределением, можно привести документальные подтверждения значимости воспитательной деятельности. К примеру, существовала такая должностная позиция, как «воспитатель», причем обязанности воспитателей прописывались в

протоколах заседаний педагогических советов и включали надзор за нравственностью воспитанников, в том числе разъяснения, замечания, другие «назидательные меры». Все это должно было направляться на развитие в воспитанниках чувства «законности, добра и справедливости». Согласно протоколам заседаний педагогического совета Усть-Медведицкой мужской гимназии, при отсутствии учителей воспитатели должны были «занимать свободные часы» (ГАВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 5. Л. 32). Учеников также называли «воспитанниками», а воспитатель при необходимости должен был выполнять функцию преподавателя, что, на наш взгляд, показывает значительную взаимообусловленность учебного и воспитательного процессов.

На самих преподавателей часто возлагались определенные воспитательные задачи. Указывалось, например, что «в классах, где преимущественно и должна выразиться воспитательная деятельность преподавателей, они обращают свое внимание на то, чтобы их преподавание носило характер воспитывающий»; также прописывалось следующее: «...преподаватели преимущественно стараются о развитии ума, облагораживании чувства и утверждении воли детей, направляя ее к добру и истине» (ГАВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 5. Л. 35).

Обратимся также к протоколам заседаний педагогического совета Камышинского реального училища, содержащим уникальные сведения, которые не только раскрывают цели и методы воспитания в светских учебных учреждениях на рубеже XIX–XX вв., но и отражают фундаментальные ценности российского общества изучаемой эпохи.

Рассмотрим повестку заседания педсовета училища, состоявшегося 9 января 1891 г. На нем обсуждалось «странное поведение ученика IV класса Васильева», который «вел уединенную жизнь». Судя по содержанию протокола, он снимал комнату в одном из домов города без компаньонов, «пристрастился к чтению религиозной литературы», много читал «жития святых, акафист», намеревался отправиться в Киево-Печерскую лавру и принять монашеский постриг. Педагоги отмечают, что «под влиянием одностороннего направления мыслей ученика, возвращавшегося только в среде религиозной при отсутствии всех других развлечений, он мог подпасть временной галлюцинации чувств». Однако по результатам осмотра врача он был признан «вполне здоровым», к нему были применены «ограничительные меры чисто воспитательного характера» (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 18).

Авторы полагают, что такое отношение педагогов к проявлению религиозной жизни ученика в православной России кажется необычным только на первый взгляд. Из протокола заседания педсовета возможно заключить, что Васильев принимал решения самостоятельно, не консультируясь со своим духовником. В тексте упоминается некая «религиозная среда», возможно, группа верующих, о которых нет никакой информации, в том числе сведений об их знакомстве со святоотеческой традицией.

На наш взгляд, данный документ свидетельствует о том, что педагоги опирались на следующую позицию: обществу, нуждающемуся в увеличении производства, необходимы инженеры в той же мере, в какой и служители церкви. Осознавая, что ученик действует по собственной воле, не следуя советам авторитетного духовного лица, учителя приняли решение воздействовать на Васильева, изменить его поведение и образ мыслей. Идею о том, что преподаватели могли находиться под воздействием модных в то время антирелигиозных и антигосударственных течений, авторы отвергают на основании рассматриваемого ниже документа.

В протоколе заседания педсовета от 1 марта 1891 года подводятся итоги проверки домашнего чтения учеников училища. В нем отмечается, что они «выписывали в складчину книги», осуществляли «чтение периодических изданий, не соответствующих юношескому возрасту». Педагоги приводили список: «Северный вестник» – литературный журнал, который как раз к началу 90-х годов позапрошлого века стал печатным органом литераторов-декадентов; «Наблюдатель» – журнал литераторов-охранителей, тяготевший к правым и даже ультраправым идеям; «Русская мысль» – журнал умеренных либералов. Все указанные издания так или иначе отклонялись от идей, поддерживаемых государственной властью. В частности, «Наблюдатель» получил предупреждение от властей (Есин, 2006: 49–51).

Другими словами, педагоги стремились оградить учеников от любой информации, которая бы препятствовала учебному процессу, а также могла побудить к совершению противоправных поступков. Об этом свидетельствует следующая цитата из протокола: «...задача воспитания состоит в том, чтобы предупредить проступки учеников и поставить последних в такие условия, при которых было бы невозможно нарушение существующих правил школьной жизни». Следующей задачей является препятствие созданию учениками «кружков с целью саморазвития» (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 24).

Если причина постановки первой воспитательной задачи ясна и не вызывает возражений, то вторая, по мысли авторов, обусловлена тем, что педагоги исходили из широко распространенного представления, согласно которому процесс свободного творческого поиска часто сопряжен с ошибками и заблуждениями, которые могут пагубно сказаться на успеваемости учеников. Педагогический коллектив всеми силами стремился предотвратить уклонение молодых людей от учебного процесса. Таким образом, учителя видели главную цель своей деятельности в создании почвы для подготовки квалифицированных инженерных кадров, востребованных на рынке труда Российской империи.

Но важно учитывать, что во второй половине XIX века власть разрабатывала и продвигала курс, направленный на внедрение основ «гражданственности» в казачьих землях, доминирование

милитаристских принципов в укладе казачьей жизни (Волвенко, 2019: 60). Выполнение «госзаказа», с одной стороны, а с другой – осознание необходимости обучения основам наук, по нашему мнению, были мотивами, которыми руководствовались педагоги, пресекая творческую деятельность подопечных.

Протокол заседания от 20 марта 1891 года описывает внешкольные формы воспитательной работы. В нем отмечается, что «жалоб на учеников от хозяев квартир не поступало». Но в ходе проверок учеников на квартирах классными наставниками были выявлены факты «несвоевременного гуляния по улицам», «самовольной отлучки из города» (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 23). В протоколе заседания от 3 мая того же года отмечается, что в связи с удлинением светового дня можно «дозволить учащимся находиться вне дома вместо 6 часов вечера до 7 часов, причем предупредить, что за позднее гуляние, в особенности на бульваре, они будут строго наказаны» (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 25). Целью таких мер воздействия, вероятно, было воспитание дисциплины учащихся, создание условий для обучения, при бесконтрольности не каждый юноша мог бы посвятить свое время учебе.

Из этого следует, что педагоги Камышинского реального училища руководствовались патерналистскими принципами по отношению к ученикам, стремясь оградить их от недопустимых форм поведения. Это совпадало с общей идеологией того времени, которая имела определенный эффект, например, в деле патриотического воспитания: подрастающее поколение активно проявляло свою гражданскую позицию в начале Первой мировой войны, жертвовало в пользу раненых, просилось на фронт (Leontyeva et al., 2017: 658-659). Более того, факты свидетельствуют о следующем явлении: несовершеннолетние массово «убегали» на фронт, участвовали в реальных боевых действиях, даже несмотря на противодействие властей, которые впоследствии обозначили данное явление как «образец патриотической службы» (Cherkasov et al., 2001). Выходит, что не столько внешнее принуждение к исполнению гражданского долга определяло патриотические настроения, сколько внутренние мотивы, которые, на наш взгляд, формируются в первую очередь воспитательной деятельностью. Поэтому можно говорить, что молодые люди выходили из стен учебных заведений не только обученными людьми, но и личностями, готовыми следовать социальным нормам, существовавшим в России на рубеже XIX–XX вв.

5. Заключение

Подводя итоги, нужно отметить достаточное разнообразие форм и способов реализации народного образования в России второй половины XIX – начала XX вв. На территории области Войска Донского и Камышинского уезда Саратовской губернии существовали гимназии, разные училища; учебные заведения как для мальчиков, так и для девочек и разной направленности планы содержания обучения. При этом отличались ценностно-целевые ориентации воспитательной деятельности: она зависела как от возраста обучающихся, так и от пола, что определяло и кадровый состав учебных заведений.

Литература

- Волвенко, 2019 – Волвенко А.А. Власть и казачество в эпоху великих реформ Александра II (1860–1870-е гг.) // *Россия XXI*. 2019. № 1. С. 60–87.
- ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.
- Гречко, 2015 – Гречко С.Ю. Церковно-приходские школы в Усть-Медведицком округе области Войска Донского в конце XIX – начале XX века // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2015. Серия 9. № 13. С. 44–49.
- Гуркина, 2001 – Гуркина Н.К. История образования в России (X–XX века). СПб., 2001. 64 с.
- Днепров, 2015 – Днепров Э.Д. Российская образовательная политика XIX – начала XX вв. в зеркале законодательных актов. (Фрагменты из книги Э.Д. Днепров) // *Вопросы образования*. 2015. № 2. С. 279–288.
- Есин, 2006 – Есин Б.И. История русской журналистики. М., 2006. 464 с.
- Запесоцкий, 2003 – Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. М., 2003. 456 с.
- Захарова, Порш, 2017 – Захарова Е.Ю., Порш Л.А. Феминизация российского образования. Чита, 2017. 115 с.
- Мельникова, 2001 – Мельникова В.В. Народное образование края в XIX – начале XX вв. Волгоград, 2001. 186 с.
- Наливайко, 2009 – Наливайко Н.В. О формировании концепции философии воспитания // *Философия образования*. 2009. № 2 (27). С. 176–185.
- Пополитов, 2009 – Пополитов Д.В. Развитие системы образования в донской епархии во второй половине XIX – начале XX века (на примере Хоперского округа) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 100–104.
- Северов, 2017 – Северов В.Г. История зарождения и развития Российской педагогики. Иркутск, 2017. 157 с.
- Соловьев, 2017 – Соловьев А.А. Причины гендерной асимметрии в образовании: экономические и ментальные // *Primo Aspectu*. 2017. № 2 (30). С. 62–66.

Соловьев, Соловьева, 2018 – Соловьев А.А., Соловьева Л.С. Выбор в образовании: субъект, содержание, временная направленность // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. № 3. С. 28-34.

Стрельцов, 2016 – Стрельцов А.А. Влияние вида среднего образования на профессиональное становление выпускников реальных училищ Российской империи // *Проблемы современного образования*. 2016. № 5. С. 111-118.

Тарасова, 2009 – Тарасова О.И. Антропологический кризис и феномен понимания. Волгоград, 2009. 220 с.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service During World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. № 1. Vol (5), pp. 4-11.

Leontyeva et al., 2017 – Leontyeva E.Ju., Leontyev A.N., Bogdanova I.N. The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2, pp. 653-662.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A. M. Dondukov-Korsakov, Kh. I. Popov, N. I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. Vol. 6. Is. 4, pp. 817-829.

Poberezhnikov, 2016 – Poberezhnikov I.V. Russian Imperial Modernization: The General and the Specific // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 867-873.

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A. Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. Vol. 7. Is. 1, pp. 226-231.

References

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. № 1. Vol (5), pp. 4-11.

Dneprov, 2015 – Dneprov E.D. (2015). Rossiiskaya obrazovatel'naya politika XIX – nachala XX vv. v zerkale zakonodatel'nykh aktov. (Fragmenty iz knigi E. D. Dneprova) [Educational policy in Russia in the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries Reflected in the Legislation of the Time. (Fragments from E.D. Dneprov's book)]. *Voprosy obrazovaniya*. 2 Nr. 2, pp. 279-288. [in Russian]

Esin, 2006 – Esin B.I. (2006). Istoriya russkoi zhurnalistiki [History of russian journalism]. M. 464 p. [in Russian]

GAVO – Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti [Volgograd Region State Archive].

Grechko, 2015 – Grechko S.Y. (2015). Tserkovno-prikhodskie shkoly v Ust'-Medveditskom okruge Oblasti Voiska Donskogo v kontse XIX – nachale XX veka. [Parochial Schools in Ust-Medveditskaya Region of Don Host Province in the End of 19th and the Beginning of The 20th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol 9. Is. 13. pp 44-49. [in Russian]

Gurkina, 2001 – Gurkina N.K. (2001). Istoriya obrazovaniya v Rossii (X–XX veka) [History of education in Russia (from the 10th to the 20th centuries)]. SPb. 64 p. [in Russian]

Leontyeva et al., 2017 – Leontyeva E.Y., Leontyev A.N., Bogdanova I.N. (2017). The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings. *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2, pp. 653-662. [in Russian]

Mel'nikova, 2001 – Mel'nikova V.V. (2001). Narodnoe obrazovanie kraja v XIX – nachale XX vv. [Public Education of the Region in the End of the 19th and the beginning of the 20th Centuries]. Volgograd. 186 p. [in Russian]

Nalivaiko, 2009 – Nalivaiko N.V. (2009). O formirovanii kontseptsii filosofii vospitaniya [On the Formation of the Concept of the Philosophy of Upbringing]. *Filosofiya obrazovaniya*. Nr. 2 (27), pp. 176–185. [in Russian]

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. Vol. 6. Is. 4, pp. 817-829.

Poberezhnikov, 2016 – Poberezhnikov I.V. (2016). Russian Imperial Modernization: The General and the Specific. *Bylye Gody*. Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 867-873. [in Russian]

Popolitov, 2009 – Popolitov D.V. (2009). Razvitie sistemy obrazovaniya v donskoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na primere Khoperskogo okruga). [The Development of Educational System in the Don Eparchy in the Second Half of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. Khopersk County Example]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 32 (170). *Istoriya*. Vol. 35, pp. 100-104. [in Russian]

Severov, 2017 – Severov V.G. (2017). Istoriya zarozhdeniya i razvitiya Rossiiskoi pedagogiki [Genesis of Russian Pedagogy]. Irkutsk. 157 p. [in Russian]

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A. (2018). Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. Vol. 7. Is. 1, pp. 226-231.

Solov'ev, 2017 – Solov'ev A.A. (2017). Prichiny gendernoi asimmetrii v obrazovanii: ekonomicheskie i mental'nye [Economical and Mental Reasons of Gender Asymmetry in Education]. *Primo Aspectu*. Nr. 2 (30), pp. 62-66. [in Russian]

Solov'ev, Solov'eva, 2018 – Solov'ev A.A., Solov'eva L.S. (2018). Vybor v obrazovanii: sub'ekt, sodержanie, vremennaya napravlennost' [Alternatives in Education. Subject, Content and Temporal Orientation]. *Logos et Praxis*. Vol. 17. Nr. 3, pp. 28-34. [in Russian]

Strel'tsov, 2016 – Strel'tsov A.A. (2016). Vliyaniye vida srednego obrazovaniya na professional'noe stanovlenie vypusknikov real'nykh uchilishch Rossiiskoi Imperii. [The Influence of Secondary Education Type on Alumni Professional Growth in the Russian Empire]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. Nr. 5, pp. 111-118. [in Russian]

Tarasova, 2009 – Tarasova O.I. (2009). Antropologicheskii krizis i fenomen ponimaniya [Anthropological Crisis and the Phenomenon of Understanding]. Volgograd. 220 p. [in Russian]

Volvenko, 2019 – Volvenko A.A. (2019). Vlast' i kazachestvo v jepohu velikih reform Aleksandra II (1860-1870-e gg.) [State and the Cossacks during the Epoch of Great Reforms of Alexander II (1860-1870)]. *Russia 21st century*. Nr. 1. pp. 60-87.

Zakharova, Porsh, 2017 – Zakharova E.Yu., Porsh L.A. (2017). Feminizatsiya rossiiskogo obrazovaniya [Feminisation of Russian Education]. Chita. 115 p. [in Russian]

Zapesotskii, 2003 – Zapesotskii A.S. (2003). Obrazovanie: Filosofiya, kul'turologiya, politika [Education: Philosophy, Cultural Studies, Politic]. M. 456 p. [in Russian]

Особенности народного образования в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Государственного архива Волгоградской области)

Александр Владимирович Рязанов ^{a, *}, Андрей Александрович Соловьев ^b,
Александр Владимирович Захаров ^b, Любовь Сергеевна Соловьева ^c

^a Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется содержание образования на рубеже XIX–XX вв. в области Войска Донского и Камышинском уезде Саратовской губернии. Авторы проанализировали различные архивные фонды, в которых содержатся документы мужских и женских учебных заведений, в том числе мужских и женских гимназий, четырехклассных, реальных и духовных училищ. В исследовании проводится сравнение содержания учебного процесса и педагогического состава в учебных заведениях для юношей и для девушек. Согласно изученным архивным документам, в мужских училищах и гимназиях преподавалось большее количество различных дисциплин, нежели в женских. Также установлено, что в учебных заведениях для девушек количество педагогов мужского пола («учителей») и женского пола («учительниц») было примерно равным. Напротив, в реальных училищах и мужских гимназиях учителя-мужчины составляли почти абсолютное большинство. Авторы посчитали возможным представить гипотезу, согласно которой данное несоответствие связано не только с экономическими и религиозными причинами, но также с ценностно-целевыми основаниями образовательного процесса, с задачами и методами воспитания. Было рассмотрено несколько личных дел учащихся, что позволило сделать следующее заключение: народное образование в Российской империи в указанный исторический период было проникнуто ценностями рациональности и этатизма, которые ассоциировались с образом мужественности. По этой причине в целом среди педагогов преобладали «учителя». Если же говорить отдельно о женских гимназиях и училищах, то их работа была направлена в первую очередь на формирование бытовых и социально-психологических навыков. Подобная трансляция затруднительна при отсутствии в педагогическом составе женских учебных заведений «учительниц». Кроме этого, следует сказать, что народное образование в российской провинции не ограничивалось официально установленными программами, а имело свою специфику и прежде всего это касалось воспитательной работы.

Ключевые слова: народное образование, история образования, Камышинский уезд, область Войска Донского, Российская империя, реальное училище, гимназия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexandr.ryazanov@gmail.com (А.В. Рязанов), lokotigr@mail.ru (А.А. Соловьев), Ulysses1@yandex.ru (А.В. Захаров), solovieva_ls@volsu.ru (Л.С. Соловьева)